

КУЛЬТУРА КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Автор: Баграт Арутюнян

*Возможно, я поступаю не правильно,
но делаю это в соответствии с
традициями.*

Мистер Джуно[†]

В данной статье представляются результаты эмпирического социологического исследования, целью которого была верификация гипотезы о существовании культуры коррупции. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что в настоящий момент коррупционные отношения являются для армянского общества значимым социальным феноменом расцениваемым негативно, а исследования этого феномена проводятся в рамках юриспруденции или экономики. Аналогичная ситуация характерна для большого числа стран, о чем свидетельствуют аннотированные списки литературы по проблематике коррупции [Сатаров 2002, Johnston 2005].

В рамках указанных подходов, коррупционное поведение рассматривается с позиций нравственного оценивания, а акцент ставится либо на сам факт криминального события, либо на дополнительные издержки и возможности получения дополнительной прибыли [Тимофеев 2000; Голик 2005, Ռոուզ-Սլեթրան 2004, Հովսեփյան 2003].

Анализ социального поведения акторов остается вне поля исследовательского интереса. В то же время, социальный опыт подсказывает, что фактическое поведение акторов не произвольно, а подчинено особого рода неписанным правилам и нормам. Логично предположить, что эти правила не автономны, а взаимосвязаны, основаны на определенных ценностях и стереотипных ролевых ожиданиях и т.д.

Прежде чем мы обратимся к результатам исследования, считаем целесообразным в нескольких словах описать методологию и механизм проверки валидности полученных результатов, так как это позволит судить о значимости полученных результатов.

В качестве поля для сбора эмпирического материала были избраны учреждения высшего образования. В качестве метода сбора информации индивидуальное

* Статья подготовлена в рамках гранта номер С05-7107 предоставленного Кавказским Центром Исследовательских Ресурсов (Программа Фонда Евразия)

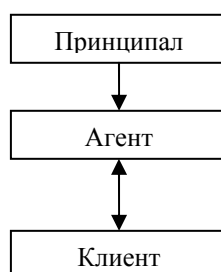
[†] Бернад Шоу “Охваченные страстью” Перевод Е. Лопыревой Полн. собр. пьес в 6-и т. Т.4 - Л.: Искусство, 1980.

глубинное интервью и метод фокус-групп. Всего было проведено 34 интервью с административными работниками, лаборантами, преподавателями, деканами и проректорами. Кроме этого, было проведено 8 фокус групп с студентами 1-го и 4-го курса бакалавриата и 2 курса магистратуры, а также участниками фокус группы были аспиранты. Все группы были смешанными по признаку пола и статуса ВУЗа.

К результатам и процессу исследования были выдвинуты требования общие для проверки валидности качественных исследований [Киблицкая 2003, 69-78; Kvale 1996, 227-250]. Кроме этого результаты исследования были представлены на суд экспертов и специалистов из различных научных областей заинтересованных данной проблематикой.[‡]

С точки зрения поиска опровержений либо подтверждений выдвинутой гипотезы первично определение основных понятий – “коррупция” и “культура”. Принимая во внимание огромное количество определений как первого так и второго понятий мы не претендуем на создание новых дефиниций однако частично преобразуем и подчеркнем важные моменты.

Под коррупцией мы будем понимать следующую модель взаимодействий носящих характер обмена.

Существует *принципал*, который на основе одного из возможных видов контрактов (контракт может иметь форму нотариально заверенного документа либо культурно обусловленного ролевого ожидания и т.д.) передает *агенту* ресурс, который необходим для достижения целей принципала. *Агент* нарушая условия контракта присваивает либо трансформирует ресурс являющийся собственностью принципала в определенную форму капитала (социальный, человеческий, экономический), который получает со стороны *клиента* либо его представителя.

Данное определение может адекватно объясняет логически возможные варианты развития отношений между Принципалом, Агентом и Клиентом. Если представить, что клиент является агент т.е. рассматривается наиболее редуцированная схема отношений,

² Обсуждение имело место 02.04.06 в Кавказском Центре Исследовательских Ресурсов – Армения.

когда агент просто присваивает ресурс то имеет место то, что в юриспруденции называется “злоупотреблением служебного положения”, “присвоение/расхищение собственности” и т.д. Подобная схема редко представляет интерес для исследователей коррупции, хотя однозначно квалифицируется как таковая [Ushshlyshb 2. 2004, 12; Ushhnllyshb 2005, 42-47].

Определение коррупции объясняет так же экзогенную и эндогенную коррупцию – формальную классификацию обменных отношений основанных на позиции клиентов относительно системы.

Демонстрация на схеме связей между Агентом и Клиентом в виде двунаправленных стрелок дают возможность увидеть восходящую и нисходящую коррупцию в зависимости от статуса Агента и Клиента.

Для нашего исследования интерес представляют все проявления коррупции, кроме монокоррупции (случая редукции Клиент = Агент).

В социологической теории понятие “культура” рассматривается с двух основных точек зрения: согласно первой из них “культура” является механизмом социальной интеграции и регуляции, согласно второй – это особая социальная сфера включающая прежде всего социальный контекст мира искусств. В данной статье мы будем придерживаться первой трактовки термина и пользоваться наследием М. Вебера, Т. Парсонса и других теоретиков разделяющих данное понимание культуры, однако считаем необходимым затронуть проблему регуляторной функции культуры. Нам кажется необходимым подчеркнуть, что говоря о регуляции мы не собираемся оперировать понятием “**правила**” которым должны соответствовать действия субъектов, а понятием **габитус** — регулируемая диспозиция, порождающая регулируемые и регулярные условия вне всякого обращения к правилам. Когда мы применяем совершенно эксплицитные и однозначные правила, наподобие тех, которые используются в математике, кажется, что понимание правила в некотором роде определено заранее, раз и навсегда и должно осуществляться в каждом случае.

В результате замены понятий мы с одной стороны избегаем тотальности, отсутствия свободы от возможных моделей поведения, с другой поведение агента являясь продуктом габитуса, отнюдь не угрожает спонтанности его действия, если только последнее не является результатом внешнего принуждения, а диспозиции, которая заключена в самом агенте. Но в той мере, в какой осуществление свободы включает размышление, большая часть наших действий, особенно тех, которые проистекают из габитуса, — действия просто спонтанные, а не собственно свободные, хотя они явно не являются вынужденными. Понятие габитуса позволяет объяснить то,

как субъект практики может быть детерминированным и в то же время действующим. Понятие габитуса действительно необходимо для адекватного понимания регулярностей определенного типа, которые строго не детерминированы, но заключают в себе элемент изменчивости, пластичности и неопределенности и подразумевают адаптации, инновации и всякого рода исключения, регулярностей, характеризующих область практики, практического разума и практического чувства [Социоанализ Пьера Бурдьё 2001, 96].

Таким образом, мы определим понятие “культура” как совокупность остенсивных[§], императивных, аксиологических форм и форм-принципов. Именно совокупность этих устойчивых форм социального взаимодействия, закрепленных в нормах и ценностях, средствах коммуникации, передаваемых от поколения к поколению является культурой.

Анализ материалов исследования позволил выявить наличие:

1. Паралингвистических кодов.
2. Кодов-кинем.
3. Знаков, в понимании Ф. де Соссюра которые легко объясняются доработанным семантическим треугольником Фреге.
4. Специального набора “даров” и правил их отбора для каждого отдельного случая.
5. Иерархических схем взаимоотношений клиента –(посредника) – агента.
6. Гендерных различий в поведении как агентов так и клиентов.
7. Норм регулирующих поведение агента и клиента, в контексте сложившейся ситуации.
8. Механизмов трансляции моделей поведений и норм и т.д.

Таким образом выявление основных элементов культуры, позволяет к существующим 2 подходам связывающим культуру и коррупцию добавить третий.

Первый подход восходит к структурному функционализму Т. Парсонса и Р. Мертона. В его рамках коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Она становится возможной в ситуации аномии, негативного отношения или равнодушия значительной части сообщества к социальным нормам, порождаемой конфликтом между элементами системы ценностей. В частности, аномия возникает тогда, когда в обществе превозносятся символы успеха (например, материального), якобы общие для всего населения в целом, в то время как действующие нормы и правила ограничивают или полностью устраняет доступ к легальным средствам достижения этих ценностей для значительной части населения[Мертон 1966, 299-313]. С этой точки зрения, пропаганда предприимчивости, предпринимательского поведения

[§]лат. ostendere - показывать, держать напротив

среди госслужащих при снижении контроля за их деятельностью в начале 1990-х гг. и отсутствии законодательного подкрепления для многих сделок между администрациями и бизнесом привела к тому, что нарушаемые при этом правила стали не без оснований рассматриваться как “несовершенные и устаревшие”, т. е. как правила, соблюдение которых не является моральным долгом.

К этому же подходу, в частности, можно отнести теорию несовместимых норм, предложенную для объяснения коррупции У. Райzmanом [Reisman, 1979; Жилина1998, 53.] С точки зрения последнего, в обществе создаются системы мифов, содержащие слишком идеалистические нормы, поэтому агенты разрабатывают собственные операционные нормы, которыми и руководствуются. Эти нормы могут отклоняться от заложенных в системе пропагандируемых мифов, превращаясь в преступную “коррупцию” или в естественное “сотрудничество бизнеса и власти” в зависимости от выбранного угла зрения. Колебания в частоте актов коррупции У. Райzman объясняет тем, что ожидаемая от коррупционных сделок выгода зависит от числа участвующих в них индивидов, и мы должны с ним согласиться – в том смысле, что моральные издержки сделки близки к нулю, если в качестве третьей стороны в ней участвует все общество (фигура Другого, легитимирующая или осуждающая поведение сторон), а сама она вписана в систему распределения дополнительных доходов внутри государственного учреждения. Легитимация коррупционных сетей происходит за счет признания существующих норм несовершенными или несправедливыми.

В рамках второго подхода коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры. Этот взгляд стал возможен в 1970-е гг. благодаря открытию сначала в странах третьего мира, а затем и в государствах Запада неформальной экономики, тесно связанной с местными обычаями и ценностями (исследования К. Харта). В своих попытках выявить влияние культуры на уровень коррупции исследователи стали прибегать к тем измерениям культуры, которые были разработаны в рамках кросс-культурной психологии такими учеными, как Г. Хофстед, Г. Триандис, Э. Холл, С. Шварц и другие.

Например, Й. Андвиг высказал предположение о том, что на уровень коррупции с республиках бывшего СССР влияли присущие им культурные различия: поведение, связанное с риском у грузин, традиция делать подарки в среднеазиатских республиках [Arunthanes 1994, 46-47.].

Согласно Э. Холлу, который ввел понятие “контекстность” в научный оборот [Hall 1987.], в высококонтекстных культурах значительная часть коммуникации

протекает на невербальном уровне, а успех в переговорах зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, явно сформулированных в контракте. Наоборот, в низкоконтекстных культурах люди не склонны давать займы и не любят быть кому-то обязанными, в бизнесе они опираются на формальные отношения, законы и четко сформулированные положения контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам (культуры США, Германии и Швейцарии). Высококонтекстными являются культуры японцев, арабов и средиземноморцев (итальянская, испанская, турецкая), с точки зрения которых дарение подарков – необходимое условие надежных деловых отношений.

Другим культурным фактором коррупции является религия. При помощи статистических методов ряду исследователей удалось установить связь между иерархичностью преобладающей в стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран, при котором контролировались прочие характеристики, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) более подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм) [La Porta 1997, 337].

В качестве третьего подхода мы можем без сомнений рассматривать коррупцию как культуру (деловую или организационную). Коррупцию, следовательно необходимо анализировать с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей. Частичным подтверждением возможности подобного подхода можно считать Р. Клитгаарда. Клитгаард, определяющий культуру коррупции как организационную культуру, характеризующуюся цинизмом и утратой здравого смысла [Klitgaard R., 1991].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Հովսեփյան Ա. «Հայաստանը սոցիալ-փիլիսոփայական ակնարկներում», Եր.: «Դեֆակտո», 2003.
2. Սանուկյան Ս. «Կոռուպցիան և անցումային շրջանի սոցիալական դինամիկան», Եր.: «Լուսակն», 2005.
3. Ռուս -Ալեքան Ս. «Կաշառվածությունը և պետությունը. պատճառներ, հետևանքներ և բարեփոխում», Եր.: «Գիտանք», 2004.
4. Սահակյան Զ. «Կոռուպցիայի ընկալումը և ռիսկերը բարձրագույն ուսումնական հաստատություններում: Եր.: ՄԱԶԾ տպագրություն, 2004.
5. Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemak D.J. Cross-cultural Business Gift Giving. A New Conceptualization and Theoretical Framework // International Marketing Review. 1994. Vol. 11. № 4.
6. Hall E.T., Hall R.M. Hidden Differences Doing Business with the Japanese. Anchor Press-Doubleday, N.Y., 1987.
7. Johnston M. “Merged corruption bibliography”, 2005. по <http://www.fsa.ulaval.ca/personnel/vernag/EH/F/ethique/corrupt.biblio.html>
8. Klitgaard R. Adjusting to reality: Beyond "state versus market" in economic development. San Francisco: ICS Press, 1991
9. Kvale S. InterViews:”An Introduction to Qualitative Researc Interviewing”. London, “Sage” 1996.
10. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations // The American Eco-nomic Review. Papers and Proceedings. 1997 (CXXXVII). № 2.
11. Reisman W. “Folded lies: bribery, crusades and reforms”, N-Y. “The Free Press”, 1979.
12. Голик Ю. “Коррупция как механизм социальной деградации” С-Пб.: “Юридический центр Пресс”, 2005.
13. Жилина И.Ю., Иванова Н.Н. Экономика коррупции // Экономические и социальные проблемы России. Вып. II. Социально-экономические проблемы коррупции. М.: ИНИОН, 1998.
14. Киблицкая М. “Методология и дизайн исследования в стиле кейс стади”, М.: “Издательство МУБУ”, 2003.
15. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.
16. Сатаров Г. “Антикоррупционная политика”, М.: “РА СПАСС”, 2004.
17. Сатаров Г. “Библиография материалов по коррупции”, 2002. по <http://www.anti-corr.ru/library.htm>
18. Социоанализ Пьера Бурдьё //Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии н
19. Тимофеев Л. “Институциональная коррупция: очерки теории” М.: “Издательский центр РГГУ”, 2000.
20. Шоу Б. “Охваченные страстью” Перевод Е. Лопыревой Полн. собр. пьес в 6-и т. Т.4 - Л.: Искусство, 1980.